НАСЛЕДИЕ ФИЛАРЕТА, СВЯТИТЕЛЯ МОСКОВСКОГО, В СВЕТЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ИСИХАСТСКОЙ ТРАДИЦИИ

Имя святителя Филарета[1], русского богослова и церковного деятеля, почти полвека занимавшего Московскую кафедру, золотыми буквами вписано в историю Русской Церкви и русской культуры. Его слово на протяжении десятилетий было для современников камертоном духовной жизни. Без его участия или совета не решалось ни одно значимое церковное, а часто и государственное дело. Богословское и гомилетическое наследие митрополита Филарета на протяжении полутора столетий является объектом постоянного внимания историков и богословов. Обширная литература, охватывающая практически все стороны творчества Святителя, – *филаретика* – развивалась преимущественно в трех направлениях – исследование гомилетического наследия, богословского творчества и церковно-административной деятельности. Но при всем обилии его трудов практически не предпринималось попыток проследить влияние древней исихастской традиции на богословскую деятельность свт. Филарета, что, несомненно, уточнило бы представление о развитии русской религиозной мысли и ее истории.

Филарет (Дроздов), митрополит Московский

Святитель Филарет окончил Московскую лаврскую семинарию в 1803 г. и был оставлен преподавателем семинарии и лаврским проповедником. Уже в проповедях лаврского периода (1803–1808) явно видно его глубокое знание памятников святоотеческой письменности. И это неудивительно – в Троицкой семинарии, под духовным покровительством ее основателя митр. Московского Платона (Левшина), русского «Златоуста» XVIII в., сложилась ученобогословская атмосфера, характеризовавшаяся высоким уровнем изучения богословских дисциплин и древних языков. За годы обучения и преподавания в семинарии Василий Дроздов не только в совершенстве освоил еврейский, греческий и латинский языки, но и получил возможность систематического изучения творений святых отцов. Классные занятия Василия Дроздова в семинарии состояли «в чтении, разборе и переводе преимущественно творений святых отцов и учителей Церкви Греческой: Климента Александрийского, свт. Григория Богослова, Исидора Пелусиота и др.»[2]. Одним из излюбленных его авторов был св. Григорий

[1] Митрополит Московский Филарет (Василий Михайлович Дроздов; 1782–1867). 16.11.1808 пострижен в монашество и 21.11.1808 рукоположен во иеродиакона; 28.03.1809 посвящен во иеромонаха; 08.07.1811 возведен в сан архимандрита; 11.03.1812 назначен ректором СПбДА; 05.08.1817 рукоположен во епископа Ревельского, викария Санкт-Петербургского и Новгородского; с 15.03.1819 – архиепископ Тверской и член Св. Синода; с 26.09.1820 – архиепископ Ярославский; 03.07.1821 перемещен на Московскую кафедру; 22.08.1826 возведен в сан митрополита. Определением Архиерейского Собора 1994 г. причислен к лику святых Русской Православной Церкви. Память свят. Филарета, митр. Московского, совершается 19 ноября/2 декабря; 5/18 октября.

[2] *Корсунский И.Н.* К истории изучения греческого языка и его словесности в Московской Духовной Академии. Сергиев Посад, 1894. С. 6.

Богослов, многое в поэзии которого было созвучно душе Василия.

Сочинения св. Григория воспевали девство как высшую форму любви к Всевышнему, чтобы, «пропитавшись любовью, идти отсюда к высокоцарственному светоносному Богу»[3]. Они не могли не воздействовать на лаврского учителя и проповедника. Пример назианзинского святителя, умевшего «сочетать аскетический образ жизни с учеными трудами» и «приносить пользу людям»[4], трудясь в уединении, помог Василию Дроздову утвердиться в мысли о принятии монашества. Немаловажное значение имели при этом высокие литературные достоинства творений св. Григория, глубокое содержание которых было облечено в ясные, четкие и одновременно поэтичные, возвышенные формы.

В русской патрологии основное внимание уделялось, как правило, роли св. Григория Богослова в создании каппадокийской школы, а преимущественная роль в истории раннего исихазма отводилось его великому современнику св. Григорию Нисскому[5]. Тем не менее великого Назианзина можно с полным правом отнести к основоположникам исихазма. Ведь для него, как указывает епископ Иларион (Алфеев), «монашество есть путь, ведущий к соединению с Богом, озарению Божественным светом и обожению»[6], а тема обожения составляет «сердцевину всей богословской системы Григория»[7]. Несомненно, под воздействием этого учения – о молитве, созерцании, сосредоточении ума в сердце, о внутреннем покое и тишине – закладывались основы богословия Московского святителя.

В его ранних проповедях уже содержатся темы *покоя в Боге*, *тишины в сердце*, «прославления Бога духом и сердцем»[8], *блаженства в Боге*, во всей полноте развитые в зрелых гомилетических творениях. И одна из главных – о внутреннем соединении с Богом. В слове на память преподобного Сергия звучит мотив о пребывании в Боге: «Вера есть златая стамна, которая вмещает в нас вселяющееся Божество, есть орлия крыле, которыми душа парит за восходящим Господом. Возносится ли с Возносящимся, удостаивается ли приять Нисходящего, но все с Богом»[9]. О преподобном Сергии сказано, что он был «яко весь Богом обладанный»[10].

В слове на праздник Рождества Богородицы автор молитвенно обращается к Пресвятой Богородице, «родившей Господа субботы», низвести «деятельным ходатайством тишину в сердца наши, дабы беспрепятственно могли ощутить, как обладание Единым успокаивает от попечений бесчисленных»[11], и призывает «приобрести Царствие Божие, восстановить внутреннее с Богом соединение»[12].

В этот ранний, домонашеский период Василий Дроздов следующим образом рассуждает о «высоком блаженстве» духовного лицезрения Бога: «Видеть Бога – конечно, уже не сим бренным оком – есть созерцать (по возможности ограниченной твари) и Его Премудрость и озаряться от Нее всегда новым светом познания, и Его благость – и исполняться от Нее любви и радости бессмертной, и Его величие – и возвышаться до блаженства чистейших духов»[13].

Вскоре в связи с преобразованием духовных школ иеродиакон Филарет был вызван в Санкт-Петербург, где оказался в центре столичной интеллектуальной жизни, в непосредственной близости к духовной и светской власти. Несмотря на интенсивную учебно-административную деятельность, он не оставляет начатого им в Свято-Троицкой Лавре изучения творений святых отцов.

---

[3] См.: *Григорий Богослов, свт.* Творения. М., 1912. Т. 2. С. 142.

[4] *Иларион (Алфеев), игумен.* Жизнь и учение св. Григория Богослова. СПб., 2001. С. 33.

[5] См., например: *Флоровский Г.В., прот.* Восточные Отцы Церкви IV в. М., 1992; *Попов И.В.* Патрология. М., 2006; *Мейендорф И., прот.* Жизнь и труды святителя Григория Паламы. СПб., 1997.

[6] См.: *Иларион (Алфеев), игумен.* Жизнь и учение св. Григория Богослова. СПб., 2001. С. 170.

[7] Там же. С. 354.

[8] См.: Слово в день обретения мощей преподобного Сергия (1806–1808) // *Свт. Филарет, митрополит Московский.* Слова и речи. Т. 1. М., 1873. С. 285.

[9] Слово на день преподобного Сергия (1803–1808) // Там же. С. 271.

[10] См.: там же. С. 276.

[11] См.: Слово в день Рождества Богородицы (1806–1808) // Там же. С. 278.

[12] См.: там же. С. 279.

[13] Слово в неделю мясопустую (1806–1808) // Там же. С. 296.

В петербургских проповедях все более оттачивался талант Филарета-проповедника. Все возвышеннее и художественнее становится его слог, все смелее проникновение в глубины богопознания. По-прежнему исключительно важной для него остается тема богосозерцания, достигаемого посредством духовного очищения и стяжания внутренней тишины: «Отврати, верующая душа, очи твои, еже не видети суеты, обратися в покой твой и в тайне ищи тихого, безмятежного Царствия Божия в себе самой. *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 21)»[14].

В Слове в день Пятидесятницы 1811 г., впервые привлекшем всеобщее внимание к молодому проповеднику, иеромонах Филарет обращает слушателей к понятию умного делания. Его не останавливает то, что его аудиторией являются не только монашествующие, но даже аристократия Петербурга. По словам иеромонаха Филарета, «с упражнением в непрестанной молитве неразлучно соединяется духовное уединение, в котором христианин, *вошед в клеть свою и затворив двери* (Мф. 6, 6), пребывает, подобно как апостолы, в *ожидании обетования Отча* (Дн. 1, 4)». Как следствие этого непрестанного делания, подчеркивал он, «будет просиявать *новый человек, созданный по Богу в правде и преподобии истины* (Кол. 3, 9; Еф. 4, 24); и Дух святыни дышать будет во всех его способностях и действиях». За этим последует достижение мира Христова, покоя в Боге: «Во глубине сердца его почивает дух утешения и *мира, всяк ум превосходящаго* (Фил. 4, 7), который Иисус Христос дает ученикам Своим»[15]. Показав слушателям высшее блаженство пребывания в Духе Святом, мысленно возведя их на вершину благодатного состояния, св. Филарет воскликнул: «О несравненное счастье быть сосудом, жилищем, орудием Духа Божия! О блаженство на земле небесное! О таинство, в котором сокрывается все, чего ищет дух человеческий»[16]. Ведь это весьма созвучно словам св. Симеона Нового Богослова: «Ежечасно облекаясь в Тебя, я ныне и в будущем наслаждался неизреченными благами. Ибо Ты – всякое благо и всякая утеха, и Тебе подобает слава святой и единосущной и животворящей Троице, во Отце и Сыне и Святом Духе почитаемой, познаваемой, поклоняемой»[17].

На глубокое знакомство Филарета с византийскими святоотеческими творениями указывает тесная связь его знаменитой беседы о молитве Господней[18] с «Толкованием на молитву Господню» Максима Исповедника[19]. Беседа проходила в домовой церкви обер-прокурора Св. Синода князя Александра Николаевича Голицына 23 октября 1812 г. Затем 30 ноября беседу слушал император Александр I, ради которого князь попросил Филарета повторить свою проповедь.

Из текста беседы видно, что проповедник хорошо знал и понимал духовные запросы своей аудитории. Религиозный подъем обнаружил себя во время Отечественной войны 1812 г. не только в русском народе, но и в среде столичной аристократии, особенно в ближайшем окружении императора. В то время вся Россия с тревогой ожидала, как будут разворачиваться события после Бородинского сражения и сдачи Москвы, а многие жители Петербурга оставляли город. Именно в этот момент князь А.Н. Голицын, в числе немногих оставшийся в столице, устроил в своем доме церковь в честь Святой Живоначальной Троицы. 1 октября 1812 г. она была освящена архим. Филаретом (Дроздовым).

Это был период всеобщего духовного напряжения и молитвенной собранности, включая тех, кто лишь совсем недавно взял в руки Евангелие. К примеру, император Александр I впервые прочитал Новый Завет на французском языке накануне Отечественной войны 1812 г. Беседа Филарета была посвящена молитве *Отче наш*. Именно она и является, по его словам, размышлением «о способе правильно и спасительно употреблять молитву Господню»[20]. Неудивительно, что при составлении проповеди Филарет обращается к классическому толкованию молитвы Господней св. Максима Исповедника.

---

[14] Там же. С. 138.

[15] Там же. С. 5, 6.

[16] *Свт. Филарет, митрополит Московский.* Указ. соч. Т. 1. С. 7.

[17] *Симеон Новый Богослов, св.* Божественные гимны. Сергиев Посад, 1917. С. 15.

[18] См.: *Свт. Филарет, митрополит Московский.* Указ. соч. Т. 1. С. 23.

[19] *Максим Исповедник, прп.* Толкование на молитву Господню // *Максим Исповедник, прп.* Творения. Кн. I: Богословские и аскетические трактаты. М.: Мартис, 1993.

[20] См.: Беседа о молитве Господней // *Свт. Филарет, митрополит Московский.* Указ. соч. Т. 1. С. 22.

Но прежде чем давать аналитическое сопоставление проповедей свт. Филарета с сочинениями святых отцов, необходимо дать некоторые пояснения. Отметим, что подход свт. Филарета к работе со святоотеческими текстами имел свои особенности. Опираясь на конкретный тезис, он творчески, без прямого цитирования отталкивался от него в развитии собственной мысли, изменяя и уточняя изначальный смысл, гармонично включая идеи и образы святых отцов в живую поэтическую ткань своих проповедей.

Беседу о молитве Господней св. Филарет, как и прп. Максим, начинает с объяснения названия молитвы и ставит вопрос о правомерности называться сынами Божиими. В толковании первого прошения *Да святится имя Твое* архим. Филарет следует прп. Максиму как в указании на благоговеинство перед именем Божиим, так и в напоминании о том, что необходимо употреблять и слова (у прп. Максима – мысли) и дела для прославления Отца Небесного и освящения себя Его именем. Обратимся к приводимому ниже сопоставлению рассуждений прп. Максима и свт. Филарета.

св. Максим Исповедник	**свт. Филарет**
«И это для того, чтобы, испытывая благоговейный страх перед именем Родителя [нашего] по благодати, мы старались бы запечатлеть в [своей] жизни черты Родившего нас, освящая имя Его на земле, уподобляясь Ему, являя себя делами своими детьми [Его] и прославляя своими мыслями и делами Самосовершителя усыновления [нашего] – по природе Сына Отца»[21].	«Божие имя есть вещь священнейшая в мире. <...> Посему заповедано нам хранить имя Божие с благоговением и употреблять с бережливостию: *да не приимеши имене Господа Бога Твоего всуе* (Втор. 5, 11). Посему, признавая себя недостойными хранителями сего небесного сокровища, мы молим Отца небесного, да вечно святое в самом себе имя Его святится и в нас; да с благодатною силою произносим его устами; да с верностию изрекаем его делами; да *свет наш просветится пред человеки*, и они в нас и с нами *прославят Отца нашего, иже на небесех* (Мф. 5, 16)»[22].

И далее архим. Филарет практически воспроизводит рассуждение Максима Исповедника о греховности человеческой природы, умерщвление которой называется непременным условием освящения в нас имени Божия. При этом он трактует свойства греха применительно к понятиям своих слушателей, преследуя цель затронуть их сердца понятными для них образами.

Точно так же при трактовке второго прошения *Да приидет царствие Твое* мысль Филарета неуклонно следует за мыслью прп. Максима. Разница лишь в том, что о тех, кто удостоится Царствия Божия, св. Филарет вместо «смиренных и кротких» (как у прп. Максима), говорит об «избранных и носящих в себе внутреннее семя Царствия».

св. Максим Исповедник	**свт. Филарет**
«Царство Бога Отца принадлежит смиренным и кротким. <...> *Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира* (Мф. 25, 34)»[23].	«Только избранные и носящие в себе внутреннее семя Царствия призваны будут *наследовать уготованное им Царствие от сложения мира* (Мф. 25, 34)»[24].

В изъяснении третьего прошения авторы противопоставляют волю человеческую воле Божией и тех, кто сознательно отрекся от греховных навыков, еще на земле уподобляют ангелам как образцовым исполнителям воли Божией на небесах: «*Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли*».

св. Максим Исповедник	**свт. Филарет**
«Кто таинственно приносит Богу служение одной разумной силой [своей], отрешенной от похоти и ярости, тот на земле, подобно чинам ангельским на небе, исполняет волю Божию. [Он уже] стал сослужителем и сожителем Ангелов. <...> Подражая таким образом Ангелам небесным, мы всегда будем служителями Бога и на земле явим равноангельское житие»[25].	«Но что есть воля Божия *на земли, яко на небеси*? Ангелы суть небо; человеки суть земля: когда земнородные будут служить Богу с любовию столь пламенной, с ревностию столь неудержимой, как Ангелы, тогда исполнится воля Его, яко на небеси, и на земли. <...> Возненавидим прежде злую волю собственную и потом уже молиться будем о благой в нас воле Божией»[26].

[21] *Максим Исповедник, прп.* Толкование на молитву Господню // *Максим Исповедник, прп.* Творения. Кн. I: Богословские и аскетические трактаты. С. 190.

[22] *Свт. Филарет, митрополит Московский.* Указ. соч. Т. 1. С. 23.

[23] *Максим Исповедник, прп.* Указ. соч. С. 190–191.

[24] *Свт. Филарет, митрополит Московский.* Указ. соч. Т. 1. С. 24.

[25] *Максим Исповедник, прп.* Толкование на молитву Господню // *Максим Исповедник, прп.* Творения. Кн. I: Богословские и аскетические трактаты. С. 196.

[26] *Свт. Филарет, митрополит Московский.* Указ. соч. Т. I. С. 26.

В рассуждениях о хлебе насущном в толкованиях одинаково говорится о необходимости прошения «хлеба на день» как указании на ограничение нашей многопопечительности на многие годы вперед, но затем, вслед за прп. Максимом Исповедником, архим. Филарет указывает на прообразовательное значение хлеба насущного, но с той разницей, что прп. Максим имеет в виду евангельский Хлеб жизни – самого Бога Слово, в то время как Филарет говорит о *всяком глаголе, исходящем из уст Божиих,* вероятно имея в виду важность Евангелия в духовной жизни человека. Это видно из приводимых ниже отрывков.

св. Максим Исповедник	**свт. Филарет**
«Мы по молитве обретем, как хлеб насущный, животворящий и насыщающий души наши для сохранения крепости дарованных нам благ, [Само] Слово, изрекшее: *Я есмь хлеб жизни, сшедший с небес, дающий жизнь миру* (Ин. 6, 33, 35–38). Это Слово становится всем, соразмерно нам, насыщающимся добродетелью и мудростью, и воплощается различным образом, как только Он ведает, ради каждого из спасаемых»[27].	«... Но и при столь ограниченном требовании не столько помышляют они о хлебе, насыщающем тело, как о том *насущном* хлебе, который питает и укрепляет *существенную* часть человека, ибо *не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих* (Мф. 4, 4)»[28].

При объяснении последнего прошения молитвы Господней нить рассуждений Филарета также развивается в согласии с толкованием прп. Максима. Однако взамен несправедливых жалоб на различные искушения он призывает к благодарению за ниспосланное искушение, к радостному перенесению вольных искушений и терпеливому, мужественному (по Максиму Исповеднику) пережиданию невольных искушений с молитвенным упованием на Отца Небесного: «*Но избави нас от лукавого*».

св. Максим Исповедник	**свт. Филарет**
«Если кто претерпит такое [искушение] и если он не будет пригвожден гоздями порока, то услышит великого Иакова, явственно взывающего: *С великою радостью принимайте, братья мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение; терпение же должно иметь совершенное действие. От терпения опытность* (Иак. 1, 2–4; Рим. 5, 4)»[29].	«... Просить ли таковым избавления от лукавого или лучше благодарить Промысл за предстоящее обличение и внушаемое исправление лукавого сердца? Будем, слушатели, с радостию сносить наказание, когда мы виновны; когда невинны, без нетерпеливости молиться о избавлении от бедствия. *Весть Отец наш Небесный, ихже требуем* (Мф. 6, 32)»[30].
«Но мы, ведая замыслы лукавого, возгнушаемся вольного искушения, чтобы не отвлечь своего стремления от Божественной любви; а [искушение] невольное, случающееся по Божию попущению, мужественно перенесем, дабы показать, что Создателя природы мы предпочитаем [самой] природе»[31].	

Несмотря на множество указанных сходств и параллелей, имеется и существенное различие. Преподобный Максим видит в молитве Господней средство для «лицезрения таинства обожения». К нему мы должны последовательно восходить под водительством «Военачальника нашего Христа», Который сначала, «как Хлеб жизни, мудрости, ведения и правды, привлекает к Себе наше ненасытное желание». Затем, еще в этой жизни, он «во исполнение Отчей воли соделывает нас сослужителями Ангелов» и после этого «возводит нас на высшие ступени Божественного, ведущие к [Самому] Отцу светов (Иак. 1, 17), и соделывает нас, через благодатное общение со [Святым] Духом, причастниками Божественного естества»[32].

---

[27] *Максим Исповедник, прп.* Толкование на молитву Господню // *Максим Исповедник, прп.* Творения. Кн. I: Богословские и аскетические трактаты. С. 196.

[28] *Свт. Филарет, митрополит Московский.* Указ. соч. Т. I. С. 27.

[29] *Максим Исповедник, прп.* Толкование на молитву Господню // *Максим Исповедник, прп.* Творения. Кн. I: Богословские и аскетические трактаты. С. 201.

[30] *Свт. Филарет, митрополит Московский.* Указ. соч. Т. I. С. 30.

[31] *Максим Исповедник, прп.* Толкование на молитву Господню // *Максим Исповедник, прп.* Указ. соч. С. 202.

[32] Там же. С. 200–201.

Уже во введении к Толкованию св. Максим ставит высокую задачу «понять смысл молитвы Господней», что необходимо для «полного осуществления искомой цели нашей жизни», которая состоит в «обожении нашей природы»[33]. Соответственно он адресует свой трактат человеку подготовленному, поскольку «эта молитва заключает в себе все указанное намерение [Божие], тайно сокрытое в кратком изложении или, лучше сказать, содержит в себе смысл [всего], что проповедуется для сильных [духом]»[34].

Архим. Филарет, опираясь на те же исходные положения, не развивает наиболее высоких *созерцательных* положений Максима Исповедника. Он касается их лишь легкими штрихами или вовсе опускает. Имея в виду свою аудиторию и объясняя молитву *Отче наш* скорее в нравственном аспекте, Филарет ставит иную, чем прп. Максим, задачу. Ему необходимо помочь своим слушателям укрепиться духовно, чтобы они могли затем вступить на путь, указанный Исповедником для «сильных духом». Он указывает при этом, что молиться «*правильно и спасительно*» предполагает, чтобы «устная молитва сопутствовалась сердечною, а сердечная сопровождалась творительною молитвою»[35]. Вместе с тем Филарет после не раскрывает ни что есть *сердечная (*или умно-сердечная) молитва, ни что есть *творительная* (т.е. ведущая к энергийному соединению с Богом). Он трактует молитву *Отче наш* скорее в нравственном, нежели в созерцательном аспекте. Сознательная «приземленность» филаретовской Беседы по сравнению с толкованием Максима Исповедника объясняется, на наш взгляд, «воспитательной» задачей, которую ставил проповедник.

Надо сказать, что мотивы св. Максима Исповедника появляются в проповедях свт. Филарета много ранее Беседы о молитве Господней. Так, в Слове на Рождество Христово (1811), произнесенном в Александро-Невской Лавре, также видны параллели с учением прп. Максима Исповедника.

Толкование молитвы Господней св. Максима Исповедника	**Слово на Рождество Христово 1811 г. архим. Филарета**
«... В силу этого [Богопознания] душе свойственно отрешаться от худшего и становиться лучше, если только она, подобно Богу, хранит в себе, по благодати призвания, нерасхищенную сущность дарованных благ. В такой душе всегда благоволит таинственно рождаться Христос, воплощаемый спасающимися, и рождающуюся душу Он делает матерью-девой»[36].	«Строгая только над собою бдительность может возвести к блаженному с Ним соединению и удержать в нем. Небесный Жених обручается с мудрыми токмо и непорочными девами, не дремлющими при Его чертоге; девственная, к Единому Богу обращенная душа зачинает духовную жизнь и рождает блаженство чистого созерцания. *Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят*; и где? – в самом сердце своем»[37].

Приведенные сопоставления не только свидетельствуют об основательном знакомстве Филарета с сочинениями Максима Исповедника, но и подтверждают его богословскую близость с этим святым отцом, для которого характерно обращение к теме чистоты и девства Пресвятой Богородицы, как высокому примеру духовного восхождения человека к полноте внутреннего соединения со Христом. Как замечает профессор МДА А.И. Сидоров, «это сравнение души с Пресвятой Богородицей весьма характерно для прп. Максима: душа, сподобившаяся обожения здесь, отвергнувшая греховные страсти и удостоившаяся Богопознания, становится подобной Богородице. Этот мотив не раз встречается в творчестве прп. Максима»[38].

Подобная мысль, хотя м не столь решительно выраженная, чем у прп. Максима, заключена и в слове Филарета. Он утверждает: «Одною из существенных принадлежностей рождения Иисусова была чистота Его Матери, не нарушенная ни взором, ни мыслию. <...> Она была, как единодушно исповедует Церковь, Дева прежде рождества, в рождестве и по рождестве. Взирай на Ее пример, стремящаяся к соединению с Богом душа, и виждь в зерцале совершенства Ее твою обязанность»[39]. Проповедник,

[33] Там же. С. 186.

[34] Там же.

[35] *Свт. Филарет, митрополит Московский.* Указ. соч. Т. I. С. 21.

[36] *Максим Исповедник, прп.* Толкование на молитву Господню // *Максим Исповедник, прп.* Указ. соч. С. 193.

[37] *Свт. Филарет, митрополит Московский.* Указ. соч. Т. 1. С. 19.

[38] *Сидоров А.И.* Комментарии к Толкованию на молитву Господню прп. Максима Исповедника // *Максим Исповедник. прп.* Указ. соч. С. 314.

[39] *Свт. Филарет, митрополит Московский.* Указ. соч. Т. 1. С. 18–19.

похоже, не решается непосредственно заимствовать дерзновенные богословско-поэтические прозрения св. Максима. Так, у Максима Исповедника душа впрямую называется *девой-матерью*, т.е. уподобляется Богородице, рождающей Христа. Петербургский же проповедник говорит лишь об обручении Христу души как мудрой евангельской девы – одной из тех, что с зажженными светильниками встретили пришедшего в ночи Жениха. И душа в этом случае, по Филарету, призвана не родить Христа, а «зачать духовную жизнь и родить блаженство чистого созерцания».

К образу души-девы Филарет возвращается и в другом своем слове – на Введение во храм Пресвятой Богородицы (1814). Он провозглашает: «Да *приведутся Царю* Небесному *девы* души наши, христиане, *во след приведенныя* ныне во храм Преблагословенной Девы; и да *введутся* некогда в нерукотворный и вечный *храм Царев*, Его благодатию, и щедротами, и человеколюбием»[40]. Но, пожалуй, не в меньшей степени, чем влияние св. Максима Исповедника, здесь очевидна связь с свт. Григорием Паламой – и в первую очередь с его словом на Введение во храм Пресвятой Богородицы.

Как известно, святые отцы каппадокийской школы «в качестве примера, иллюстрирующего этапы духовного восхождения, избрали Моисея. Как справедливо замечает о. Иоанн Мейендорф, св. Григорий [Палама] для разработки этой темы обратился к Марии, увенчивая созерцательную жизнь не простым видением Божественного, а телесным и теснейшим соединением с Ним в Воплощении»[41]. Приснодева Мария, – говорит св. Григорий, – «по причине совершеннейшей чистоты» оказалась способной «вместить телесно полноту Божества, и не только вместить – о величайшее чудо! – но и родить Его и сроднить с Божеством всех людей, бывших как прежде Нее, так и после Нее»[42]. «Она собрала ум к сосредоточенности в самой себе и вниманию и непрестанной божественной молитве», проложив тем самым «новый и неизреченный путь в небеса <...> – умозрительное молчание»[43].

Учитель безмолвия – св. Григорий Палама, по мнению о. Иоанна Мейендорфа, сознательно употреблял терминологию исихазма. Это делалось, во-первых, чтобы воспользоваться «исихией» Пресвятой Богородицы как примером, а во-вторых, чтобы «рассматривать практику исихазма только как *средство*, но не как *цель* мистической жизни»[44]. Архим. Филарет в своих словах также обращается к примеру Богородицы – к Ее совершенной чистоте и безмолвию, «не нарушенным ниже взором, ниже мыслию». Для него в этом состоит необходимое условие соединения души с Богом.

Так или иначе, знакомство св. Филарета с учением прп. Максима Исповедника и св. Григория Паламы представляется несомненным. Более того, имеются конкретные археографические свидетельства, что Филарет располагал переводами некоторых гомилий св. Григория Паламы, в том числе Слова на Введение во храм Пресвятой Богородицы. Так, в фонде Троице-Сергиевой Лавры (ОР РГБ. Ф. 304. II) под № 203 значатся Творения Григория Паламы, архиепископа Фессалоникийского, в переводе с греческого на славянский прп. Паисия Величковского. Рукопись, выполненная в 1808 г. в Новоспасском монастыре, практически полностью соответствует составу другой рукописи из того же собрания, записанной под № 202 и выполненной каллиграфическим письмом (полуустав) в Троице-Сергиевой Лавре в 30–40-х гг. XIX в.[45], когда св. Филарет был митр. Московским. В них содержатся сочинения св. Григория Паламы в переводе прп. Паисия Величковского, как вошедшие, так и не вошедшие в состав греческого «Добротолюбия» (Венеция, 1782), изданного прп. Никодимом Святогорцем.

Состав новоспасского и лаврского сборников отличается лишь несколькими сочинениями; кроме того, он практически полностью (за небольшим исключением) соответствует содержанию руко-

[40] Там же. С. 212.

[41] *Мейендорф Иоанн, прот.* Жизнь и труды святителя Григория Паламы. СПб., 1997. С. 209.

[42] Беседы (омилии) святителя Григория Паламы / Пер. с греч. архим. Амвросия (Погодина) (Далее – *Григорий Палама, свт.* Беседы). Ч. 3. М., 1993 (репринт. – Монреаль, 1984). С. 88.

[43] *Григорий Палама, свт.* Беседы. Ч. 3. М., 1993. С. 134.

[44] *Мейендорф Иоанн, прот.* Жизнь и труды святителя Григория Паламы. СПб., 1997. С. 209.

[45] Обе рукописи имеют гриф: «Из книг наместника Т[роице-] С[ергиевой] Лавры архим. Антония [(Медведева)]». Известно, что митр. Филарет и его духовник архим. Антоний обменивались духовной литературой и часть книг из личной библиотеки Святителя впоследствии находилась в Гефсиманском скиту в келии архим. Антония.

писи Симоновского монастыря из собрания ГИМ. Правда, в отличие от двух первых Симоновский сборник достаточно известен в отечественной литературе[46]. Приведем для сопоставления состав трех названных списков:

Новоспасский сборник	**Лаврский сборник**	**Симоновский сборник (ГИМ. № 52)**
«О святем архиепископе Григории Фессалонитстем святаго и блаженнаго Симеона, архиепископа Фессалонитского».		
1. «К честнейшей в монахинях Ксении, о страстех и добродетелех, и о раждаемых от сущаго во уме безмолвия». 64-е слово. (1-е изд.: Φιλοκαλία. Σ. 929–949), (№ 203. Л. 2–35об.).	1. «К честнейшей в монахинях Ксении, о страстех и добродетелех, и о раждаемых от сущаго во уме безмолвия» (22-е слово).	1. «К честнейшей в монахинях Ксении, о страстех и добродетелех, и о раждаемых от сущаго во уме безмолвия» (Л. 159–174, № 56. Л. 155–184об.)
2. «Десятисловие Христова законоположения, сиречь Нового Завета». 62-е слово. (1-е изд.: Φιλοκαλία. Σ. 949–954), (Л. 35об.–46).	2. «Десятисловие Христова законоположения, сиречь Нового Завета».	2. «Десятословия Христова законоположения, сиречь Нового Завета» (Л. 174–178, 56, 57).
3. «Слово о священне безмолствующих. Вопрос к нему ... Ответ: Яко произволившим в безмолвии внимати себе, не безполезно есть внутрь себе покушатися содержати ум свой» (1-я триада 2-го трактата. 1-е изд.: Φιλοκαλία. Σ. 955–961). (Л. 46–64).	3. «Слово о священно безмолвствующих». Вопрос к нему. Ответ: Яко произволившим в безмолвии внимати себе, не безполезно есть внутрь себе покушатися содержати ум свой».	3. «О священне безмолвствующих» (Л. 178–183, 56, 57).
4. «О молитве и чистоте сердца», главы 3 (1-е изд.: Φιλοκαλία. Σ. 962–963), (Л. 60–64).	4. «О молитве и чистоте сердца» (3 главы).	4. «О молитве и чистоте сердца.» 3-я глава. (Л. 183–184об., 56, 57).
5. «Слово посланием ко Иоанну и Феодору указующо, кии суть спасающиеся и кии ни. И о раждаемых от умнаго упразднения. И народнейшия страсти и на тех елицы высокомудрствуют о премудрости словес без добродетели». 63-е слово. (Л. 64–81об.).	5. «Слово посланием ко Иоанну и Феодору указующо, кии суть спасающиеся и кии ни. И о раждаемых от умнаго упразднения. И народнейшия страсти и на тех елицы высокомудрствуют о премудрости словес без добродетели».	5. «Слово посланием ко Иоанну и Феодору философом, указующо: кии суть спасающиеся и кии ни, и о раждаемых от умнаго упразднения и на роднейшия страсти и на тех, елицы велемудрствуют о мудрости словес без добродетели» (Л. 184об.–190, 56, 57).
6. «Беседа 31. «О добродетелех и сопротивных им страстех. И яко мир, егоже миродержец диавол есть, не суть создания Божия, но злоупотреблением созданий повинувшийся ему. Изгласися и сия на литии» (Л. 81об.–92).	6. «О добродетелех и страстех, им сопротивных. И яко мир, егоже миродержец диавол есть, не суть создания Божия, но злоупотреблением созданий повинувшийся ему».	6. Гомилия 33. «О добродетелех и сопротивных им страстех и яко мир, егоже миродержец диавол есть, не суть создания Божия, но злоупотреблением созданий повинувшийся ему. Изгласися и сия на литии» (Л. 190–194, 56, 57).
7. «Должен есть в сих присно пятих всяк христианин упражнятися» (Л. 92–93об.).	7. «Должен есть в сих присно пятих всяк христианин упражнятися».	
8. «От жития святаго Григория архиепископа Фессалонитскаго чудотворца. Яко подобает обще всем христианом молитися непрестанно» (Φιλοκαλία. Σ. 1202–1206), (Л. 93об.–102об.).	8. «От жития святаго Григория архиепископа Фессалонитскаго чудотворца. Яко подобает обще всем христианом молитися непрестанно».	8. «От жития святаго Григория архиепископа Фессалонитскаго чудотворца. Яко подобает обще всем христианом молитися непрестанно» (Л. 194об.–197об., 56, 57).

[46] См.: *Попов Н.П.* Рукописи Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Вып. 2: Симоновское собрание. М., 1910. С. 73, 88, 91; *Турилов А.А., Бернацкий М.М.* Переводы сочинений Григория Паламы на славянский язык до XVIII в. // Православная энциклопедия. Т. 17. С. 27–28.

9. Надгробное рыдание блаженному старцу Паисию от всех чад его духовных (Л. 103об.–105).

10. «О молитве»

11. «Из бесед его о единомыслии и соболезновании о ближних, такожды о посте и о Кресте Господнем».

Очевидно, что рукописи имели единый источник. Все они содержат сочинения св. Григория Паламы в переводе прп. Паисия Величковского, как вошедшие (п. 1–4, 8), так и не вошедшие (п. 5, 6) в состав греческого «Добротолюбия» (Венеция, 1782), изданного прп. Никодимом Святогорцем.

Для нас представляется особо важным тот факт, что в состав Лаврского сборника вошли статьи «О молитве» и «Из бесед его [св. Григория Паламы] о единомыслии и соболезновании о ближних, такожды о посте и о Кресте Господнем», которых нет в других рукописях (очевидно, они были внесены в поздний список по указанию св. Филарета, в то время уже митр. Московского). Статья «О молитве» начинается словами: «Непреоборимый столп Православия, иже во святых отец наш Григорий Палама, архиеп. Фессалонитский, в слове на Вход во храм Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, свидетельствуя о священней умной молитве, глаголет...». Далее следуют пространные выдержки из слова, известного в корпусе гомилий св. Григория Паламы под № 53. Таким образом, в Лаврской рукописи находится рукописный фрагмент из слова на Введение во храм Пресвятой Богородицы, что может косвенно указывать на знакомство Филарета с этим словом уже в петербургский период.

И действительно, при сопоставлении слова в день Введения во храм Пресвятой Богородицы архим. Филарета со словом св. Григория со всей очевидностью обнаруживает себя следование проповедника слову Григория Паламы.

Уже в начале проповеди Филарет опирается на исходную мысль св. Григория о домостроительстве Божием («сроднить с Божеством всех людей»)[47].

Слово на Введение во Святая Святых Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии свт. Григория Паламы (1333)	**Слово на день Введения во храм Пресвятой Богородицы архим. Филарета (1814)**
«Бог, в начале вложив в землю всякую “идею” чувственных и действующих согласно чувствам (инстинктам) тварей, поскольку ни одна из них отнюдь не была способна вместить в себе и бессмертный ум (дух), создал человека, который был бы способен вместить в себе бессмертный ум»[48]...	«Дивный в судьбах Своих Бог, дабы облаженствовать сущие от Него бытия высочайшим и непостижимым блаженством, от века положил соединить естество Свое с естеством человеческим в лице Единородного Сына Своего... *да будет,* наконец – *Бог всяческая во всех* (1 Кор. 15, 28)»[49].

Далее, вслед за Григорием Паламой, архим. Филарет говорит о неспособности человечества, в силу греховности его природы, реализовать предвечный замысел Божий. Это видно из нижеследующего сопоставления.

свт. Григорий Палама	**свт. Филарет**
«Наблюдая человеческий род, Он не нашел среди людей никого, кто был бы способен вместить Бога, “из Него же вся и Тем всяческая” (Рим. 11, 36), по слову апостольскому»[50].	«Долго еще сей Божественный глас отзывался в Церкви, как в пустыне, и по-видимому, не находил для себя отверстого уха. Человечество не имело дерзновения торжественно изыти во сретение Божеству»[51].

Следуя св. Григорию, Филарет указывает на Пречистую Богородицу как на *Виновницу*[52] воплощения Сына Божия, Которая, «явившись посредницей между Богом и всем человеческим родом, Бога соделала Сыном Человеческим, людей же сотворила сынами Божиими»[53].

[47] *Григорий Палама, свт.* Беседы. Ч. 3. С. 88.

[48] Там же. С. 87–88.

[49] Слово на день Введения во храм Пресвятой Богородицы // *Свт. Филарет, митрополит Московский.* Творения: Слова и речи. Т. I. С. 204.

[50] *Григорий Палама, свт.* Беседы. Ч. 3. С. 88.

[51] *Свт. Филарет, митрополит Московский.* Творения: Слова и речи. Т. 1. С. 205.

[52] *Григорий Палама, свт.* Беседы. Ч. 3. С. 88.

[53] Там же.

св. Григорий Палама	**свт. Филарет**
«Он затем сотворил, по Своему благоволению, Сию Приснодеву, явившуюся так сказать, Дворцом Его Самого, возмогшую, по причине совершеннейшей чистоты, вместить телесно полноту Божества, и не только вместить, – о, величайшее чудо! – но и родить Его и сроднить с Божеством всех людей, бывших как прежде Нее, так и после Нее»[54].	«Что было бы с нами, если бы не сердце благословенной Девы Марии отверзлось невместимому глаголу воплощения, если бы не беспредельная преданность Ее в волю Божию отвещала небесному вестнику: *се раба Господня: буди Мне по глаголу твоему* (Лк. 1, 38)? Она неограниченно вручила Себя желанию Царя царей – и обручение Божества с человечеством навеки совершилось»[55].

Св. Григорий, переходя к теме собственно празднования Входа Пресвятой Богородицы во храм, особо подчеркивает, что, пребывая во Святая Святых, «месте, предназначенном только для Бога», куда «Девственная Матерь вошла в трехлетнем возрасте», Она «подвизалась *ради нас* (здесь и далее курсив мой. – *И.С.*). Поэтому и празднуем мы сегодня, созерцая *общеполезный* Ее подвиг непревзойденного воздержания, преестественное снисшествие, посредством Нее, Бога на землю и наше, посредством Него, преславнейшее восшествие на небо»[56].

Аналогичную мысль находим и у Филарета, который называет Введение во храм и посвящение Богу трехлетней Девы – «предметом *всеобщего* торжества в Церкви»[57]. Он связывает его с приуготовлением человечества «соделаться способным к предуставленному обручению своему с Божеством»[58]. «Сие приключение младенчествующей Богоневесты, – заявляет он, – есть некий начаток Ее обручения Святому Духу и потому, некоторым образом, первый залог обручения *всего человечества* Божеству»[59].

Филарет следует Паламе и при ссылке на боговдохновенность предания. Он отмечает, что познание тайн божественной икономии дается святым по благодати Святого Духа и при указании на предуготовительные действования промысла Божия. Сопоставим соответствующие отрывки.

свт. Григорий Палама	**свт. Филарет**
«Приступающим к таким творениям (к словам, посвященным Божией Матери) нужна обильная Божия помощь; и составившие их в течение веков более свойственными и более совершенными могли это сделать только по вдохновению свыше»[60].	«Сие великое определение вечного совета, или, по апостолу, сию *тайну*, хотя *сокровенную от век и родов* (Кол. 1, 26), хотя и ныне *явленную* токмо святым и даже в самом откровении своем еще носящую на себе *седмь печатей*, издревле, впрочем, открывал Дух Святый своим таинникам, а чрез них и всему человечеству потолику, поколику ее постепенно возрастающее разумевание долженствовало соответствовать и споспешествовать ее постепенному исполнению»[62].
«[Бог устроил], чтобы великие по своему значению видения были некими таинственными указаниями и как бы предзнаменованиями неизреченных замыслов»[61].	«Провидение, дабы показать непогрешительность путей своих, нередко предваряет существенные свои действия некоторыми знаменательными событиями, вразумляющими о будущем»[63].

В своей проповеди архим. Филарет упоминает о «благочестивом предании», которое «говорит, что, при самом введении Пресвятой Девы во храм, Она была уже оглашаема оными пророческими словами: *слыши Дщи и виждь* и проч.». Здесь нельзя не заметить, что он имеет в виду свидетельство из слова Григория Паламы: «Когда же и Первосвященник уже появился для встречи Ее и, конечно, произнес Ей оное пророческое изречение: “Слыши

[54] Там же.

[55] *Свт. Филарет, митрополит Московский.* Творения: Слова и речи. Т. 1. С. 205.

[56] *Григорий Палама, свт.* Беседы. Ч. 3. С. 90.

[57] Ср.: «... была перемещена (во храм) трехлетняя Отроковица, и вот весь мир ликует и все исполняется радости, исполнившись божественного вдохновения» (с. 103).

[58] *Свт. Филарет, митрополит Московский.* Творения. Слова и речи. Т. 1. С. 204.

[59] Там же. С. 204.

[60] *Григорий Палама, свт.* Беседы. Ч. 3. С. 87.

[61] Там же. С. 93.

[62] *Свт. Филарет, митрополит Московский.* Творения: Слова и речи. Т. 1. С. 204.

[63] Там же. С. 205.

Дщи и виждь, и приклони ухо Твое, и забуди люди Твоя и дом отца Твоего: и возжелает Царь доброты Твоея" (Пс. 44, 11–12)»[64].

Но затем свт. Филарет отказывается от дальнейшего следования за рассуждением св. Григория об «умозрительном молчании»[65] Богоматери. Для назидания своих слушателей он обращается к теме «Приведутся Царю девы во след Ея» (Пс. 44, 15), тогда как св. Григорий акцентирует внимание на словах того же псалма: «...вся слава Дщери Цареви внутрь» (Пс. 44, 14). Это определило дальнейшее расхождение в содержании проповеди Филарета и слова Паламы. Григорий углубляется в размышление о совершеннейшем богообщении Пресвятой Богородицы, Которая «Сама исполняет и передает последующим людям *высшее делание созерцания*»[66], и в итоге «для всех и всего, по мере неизменного и святого стремления к Сей воистину богоподобной Деве и духовной и непрестанной любви и высшего тяготения к (Ней), последует степень и ясность Божиего озарения»[67]. Филарет же, слегка обозначив сокровенный смысл событий, в дальнейшем фактически отказывается от изъяснения таинственного учения и так же, как это было в Беседе о молитве Господней, переходит к нравственным аспектам христианской жизни. Причину подобной «приземленности» проповедей Филарета можно видеть в его следовании св. отцам, в частности тому же св. Григорию Паламе, который говорил: «Нехорошо, да и совершенно бесполезно, а скорее очень вредно для всех в обыкновенных беседах и в беседах с учениками стараться исследовать и уяснять человеческими словами то, что выше слова, и предлагать простому народу таинственное и неизреченное»[68].

Св. Филарет и позже обращался к сочинениям св. Григория Паламы. Так, в 1820 г. для двух слов, произнесенных в Тверской епархии, он берет себе в руководство слова св. Григория Паламы на Преображение. Рукописная тетрадь с русскоязычным переводом этих слов обнаружена нами в фонде Троице-Сергиевой Лавры (РГБ. ОР. Ф. 304 II) среди келейных книг архим. Антония (Медведева) под № 204. К заглавию слова на первой странице сделано примечание переписчика: «Взято из Библиотеки древних отцев и древних церковных писателей. Год 1677». Речь идет о многотомном издании Maxima Bibliotheca vetrum Patrum etantiquorum scriptorum ecclesiasticorum (Лион, 1677. Т. 1–27), в котором творения церковных писателей (латинских и греческих) печатались в хронологическом порядке и греческие тексты издавались в латинском переводе. В библиотеку Лавры перевод с издания 1677 г., на наш взгляд, поступил из филаретовского собрания (весьма вероятно, что перевод был сделан по указанию самого Филарета).

В качестве *пути к свету Фаворскому*[69], к *истинному богопознанию*[70], проповедник, следуя св. Григорию Паламе, указывает молитву. «Для чего евангелист, приступая к изображению славного Преображения Господня, прежде всего свое и наше внимание обращает на молитву*: взыде на гору помолитися*? <...> вопрошает он слушателей. – Для чего иначе, если не для того, чтоб указать нам в молитве путь к свету Фаворскому, ключ таин духовных, силу откровений Божественных?»[71] И продолжает: «Дабы усмотреть еще, с какой удобностию ключ молитвы отверзает духовные и божественные сокровища, воззрим паки к Фавору»[72]. Вдохновленный учителем Фаворского Света, Филарет призывает и слушателей своих к деятельному восприятию этого светоносного учения: «Испытуй чистоту своего видения по видению истинных боговидцев и, видя свет духовный, благодари Светодавца Бога»[73].

Близость двух дошедших до нас «тверских» слов к соответствующим поучениям Паламы позволяет думать, что он познакомился с ними незадолго до

---

[64] *Григорий Палама, свт.* Беседы. Ч. 3. С. 99.

[65] Там же С. 134.

[66] *Свт. Филарет, митрополит Московский*. Указ. соч. Т. 1. С. 115.

[67] Там же. С. 109.

[68] *Свт. Филофей, Патриарх Константинопольский*. Житие святителя Григория Паламы. СТСЛ., 2005. С. 98.

[69] *Свт. Филарет, митрополит Московский*. Указ. соч. Т. 1. С. 100.

[70] Там же. С. 104.

[71] Там же. С. 100.

[72] Там же. С. 105.

[73] Там же. С. 263.

их произнесения. Настолько явно в нем желание «говорить о высших степенях таинственного видения славы Господней»[74], что кажется: он сам, говоря его же словами, «возведен на Фавор» или в нем «открылся Фавор»[75], к чему он и слушателей своих призывает.

Возвращаясь из Твери в Петербург 24 августа 1820 г., Филарет напишет стихотворение «Вечерняя песнь путешественника»[76], лейтмотивом которого является та же тема устремления души к Свету Невечернему – Христу:

<...> Явися, Свете вожделенный,
Явися и на сем пути!
Душе моей в тени вечерней
Бродить одной не попусти!
Не ищет око дерзновенно
Лица зреть славу Твоего;
Но сердце ждет окамененно,
Не коснешься ли Ты его. <...>
Даждь, да во правде и святыне
И сквозе мрак во свет зрю Твой;
Да восхвалю Тебя отныне
Во веки чистою хвалой!

Разумеется, приведенные примеры не исчерпывают сюжета об основательном знакомстве св. Филарета с творениями других святых отцов. Его проповеди содержат развитое учение о покаянии, об аскетическом подвиге и христианских добродетелях, анализ которого позволяет выявить и иные влияния аскетической литературы. Но для нас интересен в данной работе прежде всего именно созерцательный аспект.

В этом отношении характерен состав той части личной библиотеки Святителя, что представлена рукописными книгами, хранящимися в настоящее время в ОР РГБ в личном фонде св. Филарета (Ф. 317). Среди авторов мы встречаем имена святых Василия Великого, Григория Нисского, Исаака Сирина, Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова, прп. Илариона, Каллиста Ангеликуда[77], Фомы Кемпийского, а также русских подвижников Нила Сорского, Паисия Величковского, Тихона Задонского и др. Наиболее ранняя рукопись собрания – сочинение св. Каллиста Ангеликуда со скрепленными с ней под одним переплетом отдельными главами Устава прп. Нила Сорского – датируется 1810 г., другие относятся к середине XIX в.

Среди недатированных рукописных книг (с пометой: «XIX в.») в фонде находятся сочинения св. Василия Великого «О нетленном девстве», св. Григория Нисского «Послание епископу Мелитинскому Литонию» с тонким определением епитимий, налагаемых для врачевания греховных страстей. Имеются также творения Максима Исповедника «О богословии и воплощенном смотрении Сына Божия к Фалассию (глав 200, семь сотниц)»; «Поучения св. Илариона о пользе души», «Беседы с новопостриженным монахом» (в 2 кн.), а также свт. Тихона Задонского «Мудрость христианская», глава 10 (автограф свт. Тихона).

Этот краткий и неполный перечень приоткрывает завесу сокровенного делания Московского святителя и позволяет прийти к выводу, что интерес к тайнозрительному отеческому богословию не ослабевал в нем на протяжении всей жизни, проявляясь во всех сферах его архипастырского служения.

С первых лет пребывания в Петербурге он неизменно выступает инициатором изучения и распространения сочинений святых отцов. Именно ему принадлежала инициатива включить перевод сочинений св. Григория Богослова и других святых отцов в учебный процесс духовных школ. В послужном списке Святителя есть запись, что он еще «в начале 1812 г. от Комиссии духовных училищ имел поручение образовать для окончивших курс учеников Санкт-Петербургской семинарии класс чтения Св. Писания и Св. Отцев и руководства к прохождению священнослужительских должностей»[78].

В начале 1822 г. архиеп. Филарет предложил Комиссии духовных училищ «дозволить иногда, вместо толкования Священного Писания, произносить беседы святых отцев, которые для того, по приличию, избирать и переводить на общевразу-

[74] Там же. С. 264.

[75] Там же. С. 107.

[76] Печатается по: Труды КДА. 1868. Апрель. С. 182–184.

[77] Первая книга (из трех) Патриарха Каллиста Ангеликуда находится в библиотеке СТСЛ – № 205: Творения Каллиста Антиликуда (XIX в.; полуустав; 95 л., 21,0x17,0; переплет картонный, с тиснением. На обороте переднего защитного листа – № 160; по л. 1–9 *запись:* «Скита Гевсимании из келии лавры наместника архимандрита Антония».

[78] Послужной список высокопреосвященного Филарета, митрополита Московской епархии, за 1867 год // *Свт. Филарет, митрополит Московский*. Творения: Слова и речи. Т. 5. М., 1873.

мительное русское наречие»[79]. А после обозрения в том же, 1822 г. МДА им были сделаны следующие замечания: «Греческого класса низшее отделение переводило на испытании стихи св. Григория Богослова, высшее – прозу св. Григория Нисского: и сие дало низшему отделению вид большей успешности пред высшим. Хорошо было бы классу языка, кроме словесного испытания, представлять к концу курса какой-нибудь, хотя небольшой, готовый перевод, сделанный в продолжении курса»[80].

В том же, 1822 г. св. Филарет поставил в Св. Синоде вопрос о переиздании Добротолюбия прп. Паисия Величковского (Т. 1–2. М., 1793–1797). Как вспоминал сам Святитель, «когда один (очевидно, сам Филарет. – *И.С.*) предлагал напечатать Добротолюбие и Исаака Сирина, другой [вероятно, первоприсутствующий член Синода митр. Серафим (Глаголевский). – *И.С.*] возразил: не скажут ли, что это мистическое направление?»[81]. За время пребывания св. Филарета на Московской кафедре Добротолюбие переиздавалось пять раз – в 1822, 1832, 1840, 1851 и 1856 гг.

Когда в Московской Духовной Академии возникла идея об издании нового академического журнала «Творения святых отец в русском переводе с прибавлениями духовного содержания», митр. Филарет всецело поддержал этот проект и внес свои соображения. «Печатать переводы святых отцев, – писал он к ректору академии архим. Филарету (Гумилевскому), – дело весьма хорошее, полезное и достойное всякого поощрения. Но искрошить каждого святого отца на части, потом смешать всех и таким образом печатать – не знаю, похвалите ли это и Вы, хотя таков почти Ваш проект. <...> Если бы захотели издать в новом переводе всего св. Григория: очень хорошо! Если пять слов о богословии, и это хорошо. А два? – Не понимаю, как пришла такая мысль»[82]. В результате было решено начать издание сочинений св. Григория Богослова, причем в обсуждении вариантов перевода наиболее сложных мест участвовал сам митрополит.

В течение 25 лет деятельности Академии по переводу святых отцов (1841–1867) были изданы творения свв. Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, Климента и Афанасия Александрийских, Афанасия Великого, Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Нила Синайского, Макария Египетского, Иоанна Лествичника. Заметим, что это перечень далеко не полный. По благословению и при непосредственном участии митр. Филарета осуществлялась переводческая деятельность Оптиной пустыни, издававшей творения святых отцов в переводе прп. Паисия Величковского.

Показательно и то, что московский святитель поддерживал прямые контакты с греческими богословами. В частности, осуществлялся взаимный обмен новоизданной литературой. Так, митр. Филарет в числе первых получил от Патриарха Иерусалимского Кирилла II впервые изданные на греческом языке гомилии св. Григория Паламы (№ 1–22. Иерусалим, 1857). Неизвестно, было ли прислано к нему издание гомилий, подготовленное К. Икономосом (№ 23–66. Афины, 1861) и вышедшее после смерти писателя – в 1857 г. Вообще же Икономос в обязательном порядке присылал свои сочинения Филарету и митр. Санкт-Петербургскому, а также в Московскую и Санкт-Петербургскую духовные академии.

Важную сторону духовной жизни Святителя составляло общение с современными ему подвижниками благочестия. Еще в Петербурге он свидетельствовал, что «путь к созерцанию Фаворской славы не поглощен бездною, не прегражден стеною, не зарос тернием, не забыт, не потерян, но еще и ныне указуется знающими желающим»[83]. Из этих слов

[79] Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб., 1885. Т. II. С. 78.

[80] Цит. по: *Корсунский И.Н.* К истории изучения греческого языка и его словесности в МДА. Сергиев Посад, 1894. С. 9–10.

[81] Письмо к ректору МДА архимандриту Алексию (Ржаницыну) от 24 ноября 1852 г. // *Свт. Филарет (Дроздов)*. Письма к архиепископу Тверскому Алексию. М., 1883. С. 118. Как комментирует это место Н.Н. Лисовой, «святитель, очевидно, имел в виду специфику восприятия термина “мистический” в Петербурге последних лет царствования Александра I, когда “мистическое” нередко ассоциировалось с “масонским”» (см.: *Лисовой Н.Н.* Две эпохи – два Добротолюбия: Преподобный Паисий Величковский и святитель Феофан Затворник // Добротолюбие. Т. 5. М., 2004. С. 496).

[82] *Корсунский И.Н.* К истории изучения греческого языка и его словесности в МДА. С. 12–13.

[83] *Свт. Филарет, митрополит Московский*. Творения: Слова и речи. Т. 1. С. 100.

очевидно, что Филарет не был лишен возможности духовных собеседований с людьми *осведомленными*. Более того, из его писем явствует, что они всегда были для него многоценны и желанны.

Прежде всего отметим его знакомство с преподобным Зосимой (Верховским), которое состоялось в 1821 г., когда Зосима приехал в Петербург для утверждения основанного им в Туре, Тобольской епархии, Свято-Никольского монастыря. Старец Зосима, сподвижник известного пустынника прп. Василиска Сибирского, нашел в архиеп. Филарете искреннего почитателя и помощника[84]. Благодаря их общению Филарет в числе первых познакомился с рукописью составленного Зосимой «Повествования о действиях сердечной молитвы старца-пустынножителя Василиска». Об этом свидетельствует книга старца Зосимы: «Молитвенные действия, особенною книжицею написанные в 75 действиях... многими духовными иночествующими отцами рассматриваемы были еще при жизни его (Василиска), так же и по кончине его, даже и высокопреосвященный митрополит Московский [Филарет] соизволил рассмотреть, и согласно от всех одобрено»[85].

Под впечатлением живого духовного общения с подвижниками-исихастами св. Филарет, в то время архиепископ Московский, в 1822 г. пишет Житие прп. Сергия Радонежского, в котором воссоздает духовный путь великого подвижника, проникнувшего в тайну Пресвятой Троицы, сподобившегося явления Пресвятой Богородицы. И это не случайно: «радонежская школа – это эпоха исихии, великого безмолвия»[86].

Духовный опыт и интуиция позволяла Филарету узнавать и приближать к себе выдающихся церковных делателей, близких ему по духу и устроению. Так, наместником Лавры был избран преподобный Антоний (Медведев), который на протяжении 35 лет был другом, сотаинником и духовником Святителя. Благодаря архим. Антонию Филарет познакомился с жизнью, наставлениями и чудесами преподобного Серафима Саровского. В последующем, как можно видеть из писем к наместнику[87], митр. Филарет во многих случаях руководствовался советами отца Серафима и верил в силу его молитв и чудотворений. Ему принадлежит редактирование поучений преподобного Серафима и издание его первого Жития[88]. Так, в июле 1838 г. свт. Филарет писал архим. Антонию: «Были ль Вы, Отец Наместник, в Вифании и долго ли, Вы не сказываете, а я хотя через порог посмотрел в безмолвие, прочитав житие отца Серафима, и, как Вам хотелось, поправил несколько слов, где они казались поставленными не очень правильно»[89].

О том, с каким благоговением относился свт. Филарет к монахам-подвижникам, свидетельствуют строки письма к архим. Антонию: «Сейчас прочитал я письмо Ваше, Отец Наместник, и сорадуюсь Вашему слышанию и видению рабов Божиих, подобных древним подвижникам, и что не лишен и я по крайней мере слышания, и за сие благодарю Бога и Вас»[90].

Сознавая, однако, что «кто призван послужить в обществе, не должен уходить от сего без особенного указания от провидения Божия»[91], свт. Филарет всячески опекал подвижников, охранял их покой, ценил их молитвы. «Если я чрез Ваше посредство, – писал он наместнику, – сподоблюсь, чем послужить рабам Божиим, и они не отринут сего, я приму сие как милостыню от них моему недостоинству и как

[84] Известно, что св. Филарет оказывал старцу Зосиме свое содействие и поддержку, даже помогал составлять прошения и записки по делам монастыря в Св. Синод, а позже принял самое деятельное участие в устроении Троице-Одигитриевой пустыни.

[85] *Преподобный старец Зосима (Верховский)*. Творения. СТСЛ, 2006. С. 157.

[86] *Лисовой Н.Н.* Школа преподобнго Сергия // Сергий Радонежский. М., 1991. С. 428.

[87] *Свт. Филарет, митрополит Московский*. Письма к преподобному Антонию, наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры: 1831–1867 / Подг. текста, предисл. и коммент. И.Ю. Смирновой. Т. 1–3. СТСЛ. 2007.

[88] Речь идет о следующих книгах, изданных по рекомендации свт. Филарета: *Сергий, иеромонах*. Сказание о жизни и подвигах блаженныя памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника. М., 1841; *Сергий, архим*. Сказание о жизни и подвигах блаженныя памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника. С присовокуплением духовных его наставлений и начертания жизни старца Саровской пустыни, схимонаха и пустынника Марка. М., 1844.

[89] Письмо к архимандриту Антонию (Медведеву) от 22 июля 1838 г. // *Свт. Филарет, митрополит Московский*. Письма к преподобному Антонию, наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры: 1831–1867. Т. 1. СТСЛ, 2007. С. 175.

[90] Письмо от 10 января 1839 г. // Там же. С. 187.

[91] Письмо от 28 мая 1838 г. // Там же. С. 173.

милость Божию. Если не опасаетесь нарушить безмолвия аввы Петра воспоминанием о мне, то скажите ему, что по дару, пришедшему на мое недостоинство святым рукоположением, призываю я ему благословение Господне, по себе же прошу благословения его и аввы Серапиона, и молитв их. Если же не думаете сего сказать, довольно для меня и в молчании поклониться их безмолвию»[92].

И в другом письме: «Бог да благословит раба Своего Мартина и наше с ним общение. Посылаю ему четки, с которыми вчера и сего дня был в священнослужении и раба Божия Мартина в проскомидии, по благодати Божией, не забыл воспомянуть. Да воспомянет и он меня в своем безмолвии, молитвою Преподобного Сергия ограждаемом, да положит Господь хранение устам моим и помыслам»[93]. Узнав, что архим. Антоний подарил старцам его портрет, Святитель писал: «Не вносите ли Вы чуждую молву в их безмолвие? Не довольно ли было дать смиренное имя на память молитвы? – Господь да сохранит простоту и безмолвие рабов Своих ненарушимыми»[94].

Важнейшим условием монашеского делания свт. Филарет считал исполнение Христовой заповеди: *Ты же, егда молишися, вниди в клеть твою и, затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, иже в тайне* (Мф. 6, 6). В духовном молитвенном уединении он видел залог «безмолвия, благодатию осеняемого»[95] и непрестанного пребывания пред лицем Божиим[96]. О его личном аскетическом опыте и понимании пользы духовного трезвения свидетельствуют следующие строки: «Если дверь келлии всегда устеречь не можно, Господь да поможет Вам стеречь безопасно дверь внутренней храмины души и Его мирным присутствием отражать смущение, невольно восстающее в преддверии»[97]. А вот еще весьма показательные рассуждения: «Справедливы остерегательные размышления Ваши, чтобы самолюбие не окрадывало того, что мнится делать ревность, чтобы борьба и развлечение в делах не мешали тихо входить в клеть свою и пр. Да, они мешают; преследуют, и входящий не довольно крепко затворяет за собою дверь, или совсем не входит, или в растворенных дверях толпится внешне. Ты реки: *Аз есмь дверь!* Введи нас во внутренняя и затвори за нами»[98].

В ответ на сетования архим. Антония о многопопечительности при управлении Лаврой свт. Филарет писал: «Что касается до безмолвия, надеюсь, что Вы и его не лишены и что внешняя молва не много проникает во внутреннюю клеть. Понести тяготы братии есть дело терпения; а в терпении, думаю, есть зерно безмолвия»[99].

***

Как видим, опытное знакомство свт. Филарета со святоотеческой аскетикой не осталось «под спудом», а нашло отражение не только в проповедях, но и в его эпистолярном наследии. И именно в переписке отразилась такая существенная сторона его деятельности, как духовничество. В своих пастырских письмах Филарет Мудрый, как называли его современники, полностью реализует все богатство своего духовного опыта. Круг адресатов ограничен самыми близкими людьми, которые, познакомившись с Филаретом, пользовались его духовным руководством на протяжении всей своей жизни. Среди них можно назвать настоятельниц известных женских обителей[100] – Евгению (Мещерскую), Марию (Тучкову), Митрофанию

[92] Письмо от 10 января 1839 г. // Там же. С. 187.

[93] Письмо от 13 февраля 1838 г. // Там же. С. 169.

[94] Письмо от 21 февраля 1839 г. // Там же. С. 188.

[95] Письмо от 21 августа 1845 г. // Там же. С. 367.

[96] См.: Письмо от 2 мая 1846 г. // Там же. С. 388.

[97] Письмо от 2 марта 1835 г. // Там же. С. 99.

[98] Письмо от 12 августа 1835 г. // Там же. С. 112.

[99] Письмо от 1 июня 1858 г. // Там же. Т. 3. С. 64.

[100] Время свт. Филарета характеризовалось широким развитием русского монашества, и прежде всего монашества женского. К концу XIX столетия русское православное монашество не менее чем на две трети состояло из женщин. За время пребывания Филарета на Московской кафедре (1821–1867) им было основано пять женских общежительных монастырей, отличавшихся строгим монашеским уставом, – Борисо-Глебская Аносина пустынь, Троице-Одигитриева Зосимова пустынь, Спасо-Бородинский монастырь, Спасо-Влахернский монастырь и Крестовоздвиженский Иерусалимский монастырь. Их настоятельницами (а порой и основательницами) были женщины не только высокой духовной жизни, но и широкого образования и культуры. И все они обрели в Филарете мудрого наставника и руководителя.

(Розен), Веру (Головнину). В этот круг входили и светские лица – Екатерина Владимировна Новосильцева, княгиня Елизавета Ростиславовна Вяземская, Андрей Николаевич Муравьев и др. В своих письмах Филарет предстает не как деятельный церковный администратор и организатор, но как заботливый любящий наставник. Он *никогда* не соглашался брать на себя роль духовника-исповедника, считая духовнические обязанности несовместимыми с архиерейским служением. Но его эпистолярное наследие – лучший свидетель тому, как на протяжении многих лет он фактически осуществлял духовное руководство, направляя, вразумляя, утешая в скорбях и, главное, научая жизни во Христе.

И здесь мы встречаемся с удивительным феноменом: не в переписке с иерархами или с монашествующей братией[101], а главным образом в переписке с женщинами митр. Филарет предстает как аскет и молитвенник, духовник и старец. Письма делают нас свидетелями *сокровенного сердца* Филарета в *нетленной красоте кроткого и молчаливого духа* (1Пет. 3, 4).

Главным правилом Московского архипастыря стали слова свт. Григория Богослова: «Непрестанно созидай ум свой в храм Богу, чтобы внутри своего сердца иметь невещественную опору – Царя»[102]. «Желаю, чтобы пустынь ваша, – писал Филарет игумении Марии (Тучковой), – была не изысканным устройством красна, но благоугодна Богу простотою и чистотою Божией, тихим безмолвным житием»[103]. «Не надобно засматриваться на живущих в жилищах благолепных и великолепных, надобно чаще вглядываться на живших в пещерах и в хижинах. Пусть будут, какие случатся, рукотворенные храмины: забота о том, чтобы в них обрелись помещенными нерукотворенные храмы Божии. В сей заботе желаю Вам совершенного успеха»[104]. И в другом месте: «С терпением желаю, чтобы обитель Ваша имела пространный храм; а более желаю, чтобы Вы, пребывающие в ней, были церкви Бога жива, и Дух Божий жил в Вас, по слову Писания»[105].

В возвышенные, поэтичные образы облекал святитель основные положения христианской аскетики. «Надобно смиряться и всемерно отлагать свою волю, чтобы оградить душу тишиною чистоты»[106], – писал святитель Е.В. Новосильцевой. Тот же мотив звучит в письме к А.Н. Муравьеву, известному поэту и писателю: «Душа не смиренная, непрестанно порываемая и волнуемая страстями, мрачна и смутна, как хаос: утвердите силу ее в средоточии смирения; тогда только начнет являться в ней истинный свет и образовываться стройный мир правых помыслов и чувствований. Гордое мудрование, с умствованиями, извлеченными из земной природы, восходит в душе как туман, с призраками слабого света; дайте туману сему упасть в долину смирения; тогда только вы можете увидеть над собою чистое высокое небо»[107].

В письмах к игумении Марии (Тучковой) мы встречаем наставления о необходимости духовного уединения для достижения совершенного богообщения: «Одиночество – дело не худое, когда умеют им пользоваться. Не хорошо ли, когда никто и ничто в мире не останавливает человека? Тогда, если он знает и помнит Бога, прямо идет к Нему. Одиночество на земли ведет в общество небесное»[108]. Как монахинь, так и благочестивых мирян наставляет он в непрестанной молитве и умном трезвении: «На бездействие ума, может быть, не слишком нужно жаловаться. Пусть он молчит и слушает, как сердце взывает к Богу, сердце да дает и уму движение к Богу»[109], – пишет он игумении

[101] Мы не имеем в виду здесь переписку с архим. Антонием (Медведевым), имевшую особый характер в силу их личных и служебных взаимоотношений.

[102] Мысли, писанные двустишиями // Таинственные песнопения. М., 2000. С. 187.

[103] Письмо митрополита Филарета к игумении Марии (Тучковой) от 12 июня 1832 г. // Письма святителя Филарета Московского к игумении Марии (Тучковой). Спасо-Бородинский монастырь, 2003. С. 27.

[104] Там же. С. 78.

[105] Письмо митрополита Филарета к игумении Марии (Тучковой) от 31 мая 1849 г. // Там же. С. 94–95.

[106] Письмо к Е.В. Новосильцевой от 13 сентября 1836 г. // Письма к Е.В. Новосильцевой. М., 1913. С. 182.

[107] Письмо к А.Н. Муравьеву от 27 января 1839 г. // *Свт. Филарет.* Письма к А.Н.М. Киев, 1869. С. 112.

[108] Письмо к игумении Марии (Тучковой) от 2 апреля 1827 г. // Душеполезное чтение. 1868. Ч. 1. С. 61.

[109] Письмо к игумении Марии (Тучковой) от 18 августа 1845 г. // Письма святителя Филарета Московского к игумении Марии (Тучковой). С. 80.

Марии и призывает приносить Господу «молитву, благоухающую именем Его. *Миро бо излиянное Имя Его* (Песн. 1, 2)»[110].

«Да будет благословенно имя Господа Иисуса, пища и оружие, и сладость душ не чуждых любви Его! – обращался святитель Филарет к княгине В.М. Нарышкиной. – Да будет оно всегда к Вам близко, всегда с Вами, да будет оно Вашею непрерывною беседою и неразлучным собеседованием!»[111] Княгине Е.Р. Вяземской святитель писал: «Если болезнь нарушает видимый порядок духовных упражнений, не надобно сетовать много, а стараться не упустить возможного, т.е. сердцем предстоять Господу, или повергаться пред Ним. И за лишение беседы с добрыми людьми с избытком наградить может беседа с Ним. Не будем, однако, и докучливы. Положите пред Ним скорби и страдания Ваши: и взирайте к Нему, иногда с молчащею мыслию, а иногда с именем Его»[112].

Вместе с тем святитель говорит о предании себя в руки Божии, о послушании Божественному Промыслу, от которого единственно зависит раздаяние духовных благ: «Не только естественные состояния переходят из одного вида в другой, но и благодатные восходят по дару Божию и нисходят по устроению Божию, да смиряется человек»[113]. Тема бездерзновенного ожидания божественных откровений как проявления полного послушания Промыслу Божию была одной из основных в богословии свт. Филарета. Уже в одном из ранних слов, произнесенных в Троице-Сергиевой Лавре, он вопрошал: «Для чего столь наглым любопытством хотеть раздрать завесу непроницаемых судеб?»[114]. В письме к А.Н. Муравьеву от 31 августа 1835 г. Филарет рассуждал: «Есть такие люди, которые силою воли сделали, так сказать, пролом в духовный мир, или думают, что сделали, и стараются удержать его открытым. Надобно ли? В порядке ли? Не скромнее ли остаться в ожидании и надежде пред затворенными вратами града, – в ожидании, когда отверзет их, имея ключ Давидов?»[115].

Наконец, приведем пространное письмо Святителя, ни адресат, ни время написания которого нам не известны. Письмо сохранилось в списке[116]. Текст имеет надписание: «О внутреннем обращении с Иисусом Христом». По утверждению издателей письма, это надписание принадлежит самому святителю. Письмо отражает все выделенные нами выше аспекты пастырского попечительства свт. Филарета и является в своем роде руководством к правильному пониманию отеческого созерцательного богословия (текст этого списка приведен ниже).

«Кто ищет соединения с Богом, тот должен любить сердечное уединение. Оно несравненно полезнее и возвышеннее, нежели уединение телесное. Сердечное уединение сохраняет внутреннего человека в чистоте от пороков и ограждает от искушений... Кто хранит сердечное уединение, тот среди самых внешних трудов и упражнений не престает внутренно быть в молитве, а потому и в Боге. Если же иногда и подвергается развлечению, то скоро опять возвращается в себя. Чем внешние чувства более прегражденны и внимание души соединено во внутренность ее, тем дух свободнее и к божественному умозрению способнее. К сему потребна благодать и сила Святого Духа, без коей мы нищие, без коей все усилия наши тщетны. Но когда сия верховная сила приосенит нас, тогда мы парим в выспренняя. Ищи Иисусовых утешений, ищи, да будет Он твоим другом и спутником, ибо *никтоже приходит к Отцу, токмо Мною*. Ищи Иисуса с пастырями в яслех, или с волхвами в объятиях Матери, или с Симеоном и святою Анною во храме, или с Мариею Магдалиною во гробе, или с апостолами в горнице. Блажен, кто в сих и других святых местах благоговейно Его ищет не телом, но духом и истиною. Внимай благодати, тебе данной, и живи по ее управлению; тогда пребудет с тобою неотлучно божественный дух Иисуса Христа, просвещающий и освещающий всякого человека, грядущего в мир, и ты не будешь иметь нужды ни в каких человеческих сообществах, ни в каком

[110] Письмо к игумении Марии (Тучковой) от 3 апреля 1844 г. // Там же. С. 71.

[111] Письмо к В.М. Нарышкиной // Душеполезное чтение. 1868. Ч. 1. С. 139.

[112] Письмо княгине Е.Р. Вяземской от 30 января 1823 г. // Там же. С.54.

[113] Письмо к игумении Марии (Тучковой) от 5 марта 1841 г. // Письма святителя Филарета Московского к игумении Марии (Тучковой). С. 55.

[114] Слово в Великий Пяток // *Свт. Филарет, митрополит Московский*. Слова и речи. Т. 1. С. 125.

[115] Письмо к А.Н. Муравьеву от 31 августа 1835 г. // Свт. Филарет. Письма к А.Н. М. С. 51.

[116] Характерной особенностью того времени было распространение в списках назидательных поучений. В том числе и некоторые письма св. Филарета переписывались и распространялись в списках.

утешении. Он приносит Своим избранным сладостные излияния благодати, несказанные внутренние наслаждения; Он изгоняет пороки и страсти, отъемлет искушения и все тягости; Он дарует мир телу и душе, но часто, однако же, для пользы Он попускает противное, да очистит веру нашу, как злато очищается огнем. Также Иисус Христос для блага нашего, для истребления гордости и самолюбия скрывается от нас; в таком случае терпи, не унывай, не теряй веры, но не переставай молиться, не переставай взывать к Нему: *Господи, на Тя уповах, да не постыдимся; толцыте и отверзется; Аз есмь дверь, Мною, аще кто внидет, спасется*. Часто признак есть гордости – желать откровения; убегай сего; считай себя лучше недостойной божественных утешений: сие угоднее Богу, нежели испытание таинств небесных. В простоте сердца молись лучше с пророком Давидом: *Господи, к Тебе прибегох, научи мя творити волю Твою*.

Много благ в мире, но они все производят в душе жажду и не утоляют ее; к сему потребно одно благо совершеннейшее – Бог. *Ему же прилеплятися, и в Нем пребывати благо есть*! Господи, Боже мой, просвещение и спасение мое, во свете Твоем пойду и о имени Твоем возрадуюся»[117].

Как воспринимались духовнические наставления свт. Филарета? Об этом, в частности, наглядно свидетельствует письмо игумении Марии (Тучковой) к монахине Спасо-Бородинского монастыря Палладии: «Одно слово от него насчет восстающей бури помыслов, и утихнет она. <...> Нужна его отеческая помощь, его слово. Я передала ему волнение помысла и теперь жду, *да накажет мя праведник милостию и обличит мя*»[118].

А.С. Пушкин в заключение известной своей стихотворной переклички с митрополитом[119] посвятил ему знаменитое стихотворение «В часы забав и праздной скуки», в котором писал:

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.
И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты[120].

А.Н. Муравьев в предисловии к изданию адресованных ему писем митр. Филарета подчеркивал, что в них «есть одна разительная черта, которая выше красоты слога: это теплая душа и горячее сердце, проглядывающие почти в каждой строке, тогда как его часто упрекали в совершенной холодности и преобладании ума над сердцем. – Здесь же напротив они идут рядом, и даже часто преобладает сердце, и все это проникнуто самым пламенным чувством веры и любви к Церкви. Если где-либо, то здесь тем более отражается его неукоризненное Православие... Сколько тут отеческой заботливости... и не только в вещественном отношении, но и в духовном,... сколько любви»[121].

Добавим от себя, что отмеченное Муравьевым «неукоризненное Православие» было следствием духовного возрастания Филарета в русле и под влиянием именно святоотеческой духовности, о которой сказано выше. И последнее. Чтобы показать, насколько значимым для свт. Филарета было наследие византийских богословов, приведем два свидетельства.

В бумагах протоиерея Александра Ивановича Невоструева сохранилось стихотворное переложение кондака Преображению, написанное свт. Филаретом 20 августа 1866 г.:

Преобразился днесь Ты на горе, Христе,
И славу там Твои ученики узрели,
Дабы, когда Тебя увидят на Кресте,
Страданье вольное Твое уразумели
И проповедали вселенной до конца,
Что Ты – Сияние Отца[122].

---

[117] Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. Ноябрь 1876. С. 152–153.

[118] Цит. по: Письма святителя Филарета Московского к игумении Марии (Тучковой). С. 25.

[119] См., например: *Антоний (Храповицкий), митр.* Пушкин как нравственная личность и православный христианин: Митрополит Антоний о Пушкине. М., 1991.

[120] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 3. М., 1957. С. 165.

[121] *Муравьев А.Н.* Предисловие // *Свт. Филарет.* Письма к А.Н. М. С. 7.

[122] Цит. по: *Сове Б.И.* Проблема исправления богослужебных книг в России в XVIII–XIX веках // Богословские труды. 1970. Т. V. С. 35; первая публикация: *Боголюбский М.И., свящ.* Об ученых трудах покойного протоиерея А.И. Невоструева // Православное обозрение. 1874, VII. С. 124. (Приношу глубокую благодарность Н.Н. Лисовому, указавшему мне на это малоизвестное стихотворение св. Филарета. – *И.С.*)

21 августа того же года (т.е. на следующий день), как вспоминал А.В. Горский, митр. Филарет поручил ему списать греческий текст стихотворения Παρακλητικόν (Песнь умилостивительная) св. Григория Богослова, чтобы «сделать опыт русского перевода его также стихотворным размером»[123]. В октябре 1866 г., за год до смерти, св. Филарет, в уединении Гефсиманского скита делает замечательный стихотворный перевод этого стихотворения[124]:

Песнь умилостивительная

Близок последний труд жизни: плаванье злое кончаю
И уже вижу вдали козни горького зла:
Тартар ярящийся, пламень огня, глубину вечной ночи,
Скрытое ныне во тьме, явное там в срамоте.
Но, Блаженне, помилуй, и, хотя поздно мне, даруй
Жизни останок моей добрый по воле Твоей.
Много страдал я, о Боже Царю, и дух мой страшится
Тяжких судных весов, не низвели бы меня.
Жребий мой понесу на себе, преселяясь отсюда,
Жертвой себя предая скорбям, снедающим дух.
Вам же, грядущие, вот заветное слово: нет пользы
Жизнь земную любить. Жизнь разрешается в прах.

О чем свидетельствует это обращение старца-митрополита к теме Преображения и Фаворского света, на протяжении десятилетий озарявшего и вдохновлявшего его внутренний сокровенный путь, и к «покаянной песне при конце жизни» св. Григория Назианзина? Как пишет современный исследователь, «исихастское богословие подобно поэзии», которая «творит из ничего, из безмолвия» и которая «есть творческая синергия подвижника-исихаста с самим Поэтом-Творцом всего бытия»[125]. И стихотворные переводы, осуществленные Московским Святителем на закате дней, со всей убедительностью подтверждают, что в его лице мы имеем достойного продолжателя исихастских богословия и поэзии – от каппадокийской школы до поздневизантийского паламизма.

© Смирнова И.Ю.

[123] *Корсунский И.Н.* К истории изучения греческого языка и его словесности в МДА. Сергиев Посад, 1894. С. 25.

[124] Цит. по: Духовная Беседа. 1868. Т. I. С. 22.

[125] *Геронимус А., прот.* Богословие священнобезмолвия // Синергия: Проблемы аскетики и мистики православия. М., 1995. С. 151, 152.